

Б 79

Б 79

А. Н. Богдановъ.

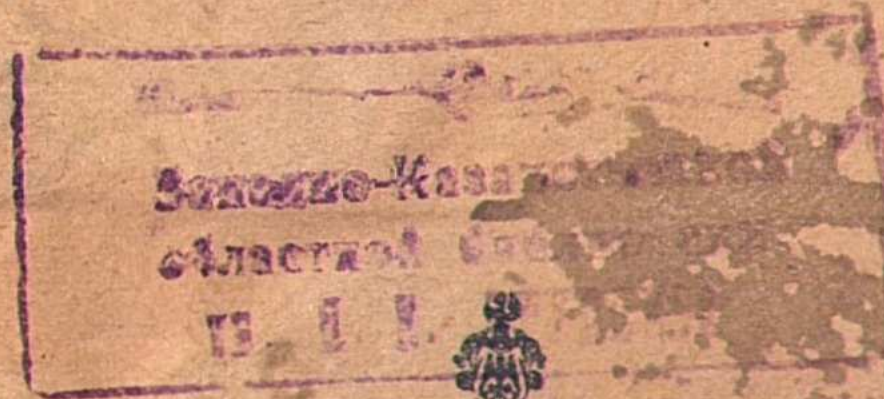
Баксайская волость

Иргизскаго уѣзда.

Естественна-историцескій
ОЧЕРКЪ.

Издание переселенческой организаціи
Тургайско-Уральскаго района.

ОРЕНБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ О. Я. ЯКОВЛЕВА

1915.

Баксайская волость

Иргизскаго уѣзда.

Естественнo-историческiй
ОЧЕРКЪ.

Издание переселенческой организаци
Тургайско-Уральскаго района.

ОРЕНБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ С. Я. ЯКОВЛЕВА
ЭН. Молдагалова атындагы

А. Н. Богдановъ.

Баксайская вол. Иргизскаго уѣзда.

Содержаніе: О природѣ полупустыни въ связи съ характеромъ хозяйственнаго быта киргизъ по наблюденіямъ въ Баксайской волости Иргизскаго уѣзда.

Положеніе и границы Баксайской волости.—Орографія, орошеніе и климатъ.—Территорія полупустыни въ предѣлахъ Азіатской Россіи.—Картины ландшафта полупустыни въ Баксайской волости (ландшафты степи на водораздѣлахъ: каменистой, солончаковой и ковыльной, ландшафты рѣчныхъ долинъ).—Скотоводческое хозяйство киргизъ Баксайской волости въ связи съ естественнo-историческими особенностями полупустыни.—Состояніе землѣдельческой культуры.—Перспективы возможнаго развитія хозяйственнаго строя въ условіяхъ полупустыни.

Вступленіе. За послѣдніе годы замѣчается живой интересъ со стороны русскаго общества къ дальнѣйшему изученію киргизской степи. Благодаря тому обстоятельству, что колонизаціонное движеніе связало съ ней судьбу многихъ тысячъ русскихъ переселенцевъ, вниманіе, удѣляемое ей изученію, какъ объекту хозяйственной эксплуатаціи, направлено преимущественно на тѣ стороны ея природы, которыми обуславливается ея пригодность для землѣдельческой культуры. Между тѣмъ, не менѣе важно знать также и ея достоинства и недостатки, какъ скотоводческаго раіона, каковымъ она исключительно и служила до самаго послѣдняго времени. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы приведемъ матеріалы, знакомящіе съ условіями пастбищнаго хозяйства въ той части киргизской степи, которая получила отъ натуралистовъ назва-

ніе—«полупустыня». Этотъ естественноисторическій районъ заслуживаетъ права на наше полное вниманіе не только замѣчательною оригинальностью своей природы, но и своимъ положеніемъ на границѣ двухъ борющихся между собою человѣческихъ культуръ: вѣдь, зауральская полупустыня является въ настоящее время областью, завоевать которую, при своемъ движеніи съ сѣвера на югъ, дѣлаетъ попытки, пока тщетныя, русское земледѣліе, стараясь отодвинуть киргизское скотоводство еще дальше на югъ, въ область пустынь. Насколько тяжелъ тотъ путь, которымъ приходится идти въ полупустынѣ земледѣльцу, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣмъ намъ извѣстные трагическіе моменты въ жизни русскаго переселенца, когда онъ, утомленный бесплодной борьбой, бросаетъ негостепріимную страну и снова возвращается на родину. Однако и скотоводу природа полупустыни ставитъ цѣлый рядъ суровыхъ требованій, за неисполненіе которыхъ киргизы сплошь и рядомъ расплачиваются гибелью своихъ стадъ. Только при самомъ вдумчивомъ, самомъ заботливомъ отношеніи къ этимъ требованіямъ возможно основать здѣсь болѣе или менѣе устойчивое скотоводческое хозяйство, и было бы въ высшей степени желательно, чтобы свѣтъ агрономической науки дошелъ и до темной киргизской степи и освѣтилъ здѣшнимъ скотоводамъ дорогу къ лучшей жизни.

Тотъ матеріаль, который я хочу сообщить въ нижеслѣдующихъ строкахъ, является результатомъ какъ моихъ личныхъ наблюденій за время работы въ степи въ качествѣ практиканта-геоботаника въ 1910 году въ Джитыгаринской и Бистюбинской волостяхъ Кустанайскаго уѣзда и въ 1911 году въ Баксайской волости Иргизскаго уѣзда, такъ и моего знакомства съ литературными трудами ботаниковъ, посѣтившихъ киргизскую полупустыню. Хотя та площадь полупустынной степи, на которой я самъ могъ собирать матеріалы объ условіяхъ пастбищнаго хозяйства, и не такъ уже велика въ сравненіи со всей огромной территоріей, занятой въ степномъ краю областью полупустыни, однако знакомство съ ней можетъ приблизить насъ къ пониманію и общей жизненной обстановки, окружающей скотовода въ полупустынѣ *всего* степного края, ибо, благодаря прекраснымъ работамъ ак. Борщова, агронома Богдана, затѣмъ переселенческихъ ботаниковъ (Крашенинникова и др.), мы мо-

торыя находятся на территорияхъ сосѣднихъ волостей, но распределение этой водной поверхности крайне неравномерно, и рядомъ съ районами, орошенными богато, имѣются совершенно безводные. Западная часть волости въ предѣлахъ Мугоджаръ орошена несравненно богаче восточной песчаной и солончаковой равнины, но и въ предѣлахъ ея мы находимъ глубокие контрасты въ водоснабженіи, вызванные своеобразнымъ геологическимъ строеніемъ: на каменистыхъ водораздѣльныхъ кряжахъ мы не найдемъ нигдѣ ни капли воды въ то время, какъ на днѣ глубокихъ долинъ мы не разъ встрѣтимъ обильные запасы прекрасной прѣсной воды. Этой рѣчной водой и живетъ главная часть населенія волости.—Въ восточной части орошеніе исключительно въ видѣ озерныхъ бассейновъ, воды которыхъ, надо думать, главнымъ образомъ атмосфернаго происхожденія; но такъ какъ значительная часть ихъ засолена, то населенію здѣсь приходится пользоваться колодезной водой и, внѣ всякаго сомнѣнія, огромныя песчаныя равнины этого района были бы совершенно безлюдны, если бы онѣ не хранили въ своихъ нѣдрахъ достаточныхъ запасовъ почвенной влаги.

Переходя затѣмъ къ описанію отдѣльныхъ водоемовъ, нужно отмѣтить слѣдующее. Хорошая прѣсная вода, какъ мы уже упоминали, находится въ рѣкѣ Иргизѣ и всѣхъ ея притокахъ, изъ которыхъ наиболѣе значительны: Баксаисъ, Кара-бутахъ, И-мулла, Чидеръ и Шоть; какъ большинство рѣкъ киргизской степи, эти рѣчки въ своемъ верхнемъ теченіи разбиты на рядъ отдѣльныхъ плесовъ и только въ средней части имѣютъ видъ непрерывной водной ленты. Притоки Иргиза въ своемъ нижнемъ теченіи, вступая въ огромную Иргизскую долину, снова теряютъ видъ рѣкъ и, разбиваясь на плесы, пропадаютъ въ общей равнинѣ.—Относительно количества воды въ рѣкахъ можно отмѣтить, что количество воды въ нихъ довольно постоянно и такихъ колебаній, какія бываютъ въ отдѣльные годы въ степныхъ озерахъ, въ нихъ не наблюдается. Это надо поставить въ связь съ тѣмъ, что онѣ питаются, главнымъ образомъ, родниковой водой.

Изъ озеръ съ водой, пригодной для питья, въ сѣверо-западной части волости надо отмѣтить слѣдующія: Биль-копа, Акъ-тасты и Ай-бала. Первыя два обладаютъ значительными размѣрами въ нѣсколько квадратныхъ верствъ, къ Акъ-тасты

Иргизъ, и вся гористая, сѣверо-западная часть ея разсѣчена большимъ числомъ рѣчныхъ долинъ, среди которыхъ есть такія огромныя по своимъ размѣрамъ, какъ долины самаго Иргиза и рѣчки Баксаиса; менѣе значительны долины р.р. Чидера, Шота, Аще-сая, И-муллы, Жаксы-аще-сая, Карабутака. Въ общей сложности, вмѣстѣ съ ихъ отвѣтвленіями, онѣ такъ часто бороздятъ поверхность, что у путешественника, двигающагося здѣсь въ меридіональномъ направленіи, создается обманчивое впечатлѣніе, будто онъ попалъ въ богатую орошенную страну: такъ часто приходится ему то подниматься на водораздѣль, то снова спускаться внизъ въ долину стока.

Нивелирующая дѣятельность воды, приводящей къ образованію делювіальныхъ и аллювіальныхъ наносовъ, тоже выражена въ нашемъ районѣ достаточно ярко и результаты ея замѣтны не только въ гористой части волости, гдѣ ею созданы и на междурѣчныхъ пространствахъ и въ долинахъ покровы аллювія и делювія въ видѣ значительныхъ толщъ, но и въ равнинахъ къ востоку отъ рѣки Иргиза, хотя и не имѣющихъ рѣчныхъ долинъ, но зато обильно снабженныхъ озерными котловинами.

Относительно вліянія на рельефъ волости работы вѣтра нужно думать, что раньше оно было весьма интенсивнымъ и что на долю его нужно отнести образованіе волнистой поверхности песчаныхъ степей къ востоку отъ рѣки Иргиза. Однако въ настоящее время образованія песчаныхъ бархановъ здѣсь уже не наблюдается.

Въ общемъ по устройству поверхности Баксайская волость распадается, по преобладанію тѣхъ или иныхъ элементовъ рельефа, на три части: на западѣ ея расположены холмистыя степи, на крайнемъ сѣверѣ волости эти степи переходятъ въ глинистыя и песчаныя равнины съ отдѣльными «столовыми» горами, главная же часть волости къ востоку отъ рѣки Иргиза занята однообразными волнистыми песчаными равнинами.

Орошеніе. По сравненію съ сосѣдними частями Кустанайскаго уѣзда орошеніе Баксайской волости нельзя считать бѣднымъ: общая водная поверхность вѣроятно не уступаетъ по своей величинѣ тѣмъ воднымъ площадямъ, ко-

стной монографіи, появившейся въ 1865 году; здѣсь наша волость занимаетъ мѣсто у сѣверной границы края совпадающей съ 51° с. ш.

Существеннѣйшія черты устройства поверхности Баксайской волости связаны съ дѣйствіемъ тѣхъ-же горообразующихъ силъ, которыми образованъ весь массивъ Мугоджарскихъ горъ. Большая половина ея несетъ на себѣ слѣды значительнаго поднятія земной оболочки, являясь непосредственнымъ продолженіемъ восточной вѣтви Мугоджарскаго хребта—дикой и скалистой гряды Кара-тау. Около 50° с. ш. высоты Кара-тау испытываютъ рѣзкое паденіе въ сѣверномъ направленіи, послѣ чего вступаютъ въ предѣлы нашей волости, разсѣивая на ея поверхности выступы горныхъ породъ. Благодаря этому обстоятельству, мѣстность здѣсь получаетъ характеръ невысокой гористой страны. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи является лишь часть волости, расположенная къ востоку отъ лѣваго берега рѣки Иргиза, спокойная поверхность которой живо напоминаетъ собою песчанья равнины восточной половины Иргизскаго уѣзда. Переѣхавъ на лѣвый берегъ Иргиза, мы видимъ, какъ сразу же замираетъ взволнованная поверхность горныхъ отроговъ; только въ самой южной части волости вліяніе Мугоджаръ чувствуется сравнительно далеко къ востоку отъ рѣки Иргиза, однако здѣсь оно выражается уже только въ видѣ плоскихъ поднятій, постепенно понижающихся въ восточномъ направленіи.

Выдающаяся роль въ работѣ надъ устройствомъ поверхности Баксайской волости принадлежитъ также водной стихіи; если главнѣйшія черты рельефа ея намѣчены горообразующими силами, поднявшими Мугоджары, то вліяніе воды въ теченіе времени наложило свою печать на весь обликъ страны: третичное море оставило здѣсь мощные наносы известняковъ, песчаниковъ и глины, образовавшихъ теперешнія степи; когда поверхность волости стала сушей, дѣятельность морской воды смѣнилась дѣятельностью водъ рѣчныхъ и атмосферныхъ. Первыми разработаны основныя направленія рѣчныхъ долинъ и главныхъ склоновъ къ нимъ, вторыми, совмѣстно съ силой вѣтра, образованы безчисленные лога и западины, которыми пе-стритъ вся теперешняя Баксайская волость.

Въ предѣлахъ нашей волости беретъ свое начало рѣка

жемъ утверждать, что законы, управляющіе распредѣленіемъ растительныхъ формацій и ихъ взаимоотношеніемъ другъ къ другу, сохраняютъ свои основныя черты на всемъ ея огромномъ протяженіи.

Излагая здѣсь свои наблюденія, я буду придерживатся слѣдующаго плана: 1) кратко опишу составъ главнѣйшихъ растительныхъ формацій, встрѣченныхъ въ полупустынѣ, укажу условія ихъ мѣстонахожденія и распространенія, отмѣчая попутно тѣ виды растеній, которымъ принадлежитъ преимущественная роль въ дѣлѣ питанія киргизскаго скота; 2) разсмотрю тотъ жизненный циклъ, который выпадаетъ на долю здѣшней растительности въ теченіе года, и оцѣню различные моменты его съ точки зрѣнія хозяина скотовода, 3) познакомлю съ тѣмъ, какимъ образомъ киргизы примѣняются въ своемъ жизненномъ обиходѣ къ условіямъ существованія степной природы, насколько полно умѣютъ они использовать тѣ запасы растительной массы, которые она предоставляетъ въ ихъ распоряженіе, и, наконецъ, подчеркну тотъ путь, по какому должно итти здѣшнее скотоводство въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, и тѣ мѣры, какія должны помочь ему найти этотъ путь.

Географическое положеніе и топографія. Баксайская волость находится въ сѣверо-западномъ углу Иргизскаго уѣзда Тургайской области, въ предгорьяхъ восточнаго склона Мугоджарскаго хребта; географическая широта ея опредѣляется положеніемъ между 49° и 51° с. ш., а долгота — между 29° и 31° в. д. отъ Пулкова.

Небольшая часть ея, наиболѣе сѣверная по своему положенію, вклинивается между Актюбинскимъ и Кустанайскимъ уѣздами, а самыми развитыми своими границами — западной и восточной — она соприкасается съ сосѣдними волостями Иргизскаго же уѣзда — Талдыкской и Аманкульской; южная граница выражена у нея очень слабо, такъ какъ къ югу площадь волости весьма постепенно суживается, принимая видъ вытянутаго въ южномъ направленіи треугольника. — Такимъ образомъ, по своему географическому положенію Баксайская волость входитъ въ область Арало-касційскаго края, согласно опредѣленію послѣдняго, данному И. Борщовымъ въ его извѣ-

группируются еще небольшія озера тоже съ прѣсной водой. Ай-бала—площадью не менѣе квадратной версты и достаточно глубоко. Зимой озера не промерзаютъ и служатъ любимымъ мѣстомъ для зимованія киргизовъ.—Въ восточной и сѣверо-восточной части волости хорошія озера—Кульбатыр-куль, Наинчек-куль, Айханыз-куль и цѣлый рядъ другихъ. Названныя озера—съ прѣсной водой, остальные—съ соленой. Изъ послѣднихъ заслуживаетъ особаго вниманія озеро Кара-тау, расположенное на границѣ Баксайской и Аманкульской волостей у подножія горы того же названія. Это озеро принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ озеръ киргизской степи.

Климатъ. Для иллюстраціи климата Баксайской волости мы воспользуемся слѣдующими данными метеорологической станціи 2-го разряда въ г. Иргизѣ.

Температура (ср. за 1903—07 г.г.)	макс.	мин.	амплитуда.	Вѣтры.
Декабрь —9.6	Зима +4.4	—38.8	43.2	Сѣверный 94
Январь —15.0	Весна 33.3	—28.1	61.4	С-вост. 131
Февраль —13.0	Лѣто 38.6	+2.5	36.1	Восточный 91
Зима —12.5	Осень 29.6	—29.4	59.0	Юго-восточн. 112
Мартъ —8.8	Годов. 37.5	—36.7	74.2	Южный 101
Апрѣль +5.0				Юго-западный 141
Май 16.8				Западный 115
Весна +4.3				Сѣв.-западный 115
Іюнь 21.6				Затишье 172
Іюль 23.7				
Августъ 21.1				
Лѣто 22.1				
Сентябрь 13.0				
Октябрь 5.0				
Ноябрь —5.8				
Осень +4.1				
Годъ 4.5				

Осадки (средн. за 1862—82, 86—91 г.г.) число дней съ осадками.

Декабрь	14.2	9.4
Январь	13.7	10.0
Февраль	9.1	7.8
Зима	37.0	27.2
Мартъ	12.3	7.0
Апрѣль	17.2	5.1
Май	21.5	4.0
Весна	51.0	16.1

Юнь	21.7	5.3
Юль	16.0	4.7
Августъ	10.3	3.6
Лѣто	48.0	13.6
Сентябрь	12.7	3.1
Октябрь	14.4	4.6
Ноябрь	11.0	5.8
Осень	38.1	13.5
За годъ	174.1	70.4

Ближайшимъ пунктомъ наблюденій къ нашей волости является городъ Иргизъ и приведенныя по нему данныя, надо полагать, наиболее близки къ Баксаю, хотя необходимо отмѣтить, что Иргизская станція расположена въ условіяхъ, которыя приближаютъ ея климатъ къ климату настоящихъ арало-каспійскихъ пустынь, передовымъ аванпостомъ которыхъ и является территорія южной части Иргизскаго уѣзда. Между тѣмъ территорія сѣверной части уѣзда, въ которой расположена Баксайская волость, уже не входитъ въ предѣлы пустыни, являясь, какъ мы ее назвали, полупустыней, ибо въ ея составъ входятъ участки настоящихъ степей, являющихся аррьергардомъ Кустанайскихъ травяныхъ степей. Поэтому и климатъ Баксайской волости до нѣкоторой степени долженъ приближаться къ климату Кустанайской станціи. Нужно помнить кромѣ того, что именно въ предѣлахъ — то Баксайской волости и сосѣдней съ ней Аманкульской находится водораздѣлъ, отдѣляющій воды бассейна сѣвернаго ледовитаго океана отъ водъ каспійской низменности и несомнѣнно представляющій собой своего рода климатическую границу.

Тѣ данныя, которыя нами приведены, и сами по себѣ уже говорятъ за то, что мы находимся въ предѣлахъ рѣзко выраженного континентальнаго климата. Однако эти среднія цифры не могутъ вполне характеризовать мѣстный климатъ со стороны его вліянія на животную и растительную жизнь: такъ какъ для жизни главнымъ образомъ важны не среднія отношенія, а тотъ ходъ измѣненій метеорологическихъ элементовъ въ продолженіе сутокъ и цѣлаго года, которыя наблюдаются на мѣстѣ. Необходимо учесть, что континентальный климатъ отличается отъ морского именно главнымъ образомъ не общимъ количествомъ t° , влаги и свѣта, а ихъ чрезвычайно неравномернымъ распредѣленіемъ въ зависимости отъ времени сутокъ

и года. Къ сожалѣнію, существующія метеорологическія наблюденія мало говорятъ намъ о таковой неравномѣрности, характерной для нашего района. Объ этомъ больше скажутъ личные впечатлѣнія какъ мѣстныхъ жителей, такъ и случайнаго изслѣдователя, котораго судьба направила сюда, заставивъ жить подъ открытымъ небомъ.

Отъ этихъ лицъ можно узнать, какъ жгучій дневной зной смѣняется рѣзкимъ холодомъ ночи, и какъ, съ другой стороны, тихая ночь уступаетъ мѣсто порывистымъ вѣтрамъ въ теченіе дня, какъ продолжительная засуха смѣняется затяжными и проливными дождями.—Но если объ этихъ явленіяхъ можно догадываться по метеорологическимъ записямъ, то по нимъ совершенно нельзя судить о томъ, какъ измѣнчивъ климатъ не только во времени, но и въ пространствѣ даже одной волости. Въ современной наукѣ все чаще и чаще встрѣчаются главы, трактующія о такъ называемомъ микроклиматѣ; изслѣдованія американскихъ ученыхъ о климатѣ различныхъ растительныхъ формацій внутри пустыни и полупустыни показали, что каждая изъ нихъ отличается въ климатическомъ отношеніи отъ сосѣднихъ и живетъ отчасти какъ бы вполне самостоятельной жизнью. Несомнѣнно, что Баксайская полупустыня, гдѣ въ зависимости отъ почвенныхъ и топографическихъ условій ковыльная степь смѣняется то каменистой пустыней, то солончаковой, по своему климату чрезвычайно разнообразна и районъ каждой формаціи ея сохраняетъ климатъ тотъ, который свойствененъ ей въ мѣстахъ ея сплошнаго распространенія.

Въ виду того, что наибольшая роль въ различіи климатовъ отдѣльныхъ формацій относится на долю влаги и въ виду того, что факторъ испаренія находится въ тѣснѣйшей связи съ энергіей всѣхъ остальныхъ факторовъ, опредѣляющихъ климатъ данной мѣстности, мы полагали бы весьма желательнымъ для болѣе яснаго пониманія явленій полупустыни организацію пунктовъ для изученія величины испаренія и влажности почвъ въ различныхъ ея формаціяхъ.

Заканчивая на этомъ общій обзоръ Баксайской волости, мы считаемъ необходимымъ привести еще нѣсколько основныхъ замѣчаній по поводу отношеній между человекомъ и природой въ киргизской полупустынѣ. Изъ написаннаго нами

ясно, что непреложные законы климата заставляют жить своеобразной жизнью тѣ три главныя територіальныя части, на которыя мы подѣлили Баксайскую волость: и ковыльные степи глинистыхъ равнинъ, и каменная пустыня холмистыхъ степей, и злаково-мотыльковыя песчаныя степи—всѣ онѣ обладаютъ своимъ особымъ жизненнымъ цикломъ въ теченіе года. Первыми начинаютъ жить глинистыя степи съ главнѣйшимъ растеніемъ *Stipa capillata* (ковыль-тырса). Только что сойдутъ зимніе снѣга и солнце пригрѣетъ оттаявшую землю, какъ эти равнины одѣнутся изумруднымъ ковромъ яркой зелени тырсы и обитатель-киргизъ спѣшитъ откормить свои стада нѣжной зеленью этой лучшей питательной травы. Недолго продолжается этотъ роскошный пиръ и скотовода и его животныхъ; едва успѣютъ зажить слѣды тяжелой зимней голодовки, едва успѣютъ стада пройти изъ конца въ конецъ эти глинистыя равнины, безжалостное солнце и вѣтеръ оставляютъ неоконченнымъ богатое пиршество: жаркіе лучи высушатъ нѣжную зелень и вѣтеръ обвѣетъ всѣ нѣжныя части растеній; къ началу іюля ковыльная степь станетъ уже негодной для пастбы скота, и лишь густыя, огрубѣвшія, почти мертвыя, звенящія отъ вѣтра былинки напоминаютъ въ это время о былой здѣсь жизни. Если мы увидимъ такую степь въ это время, невольно встанетъ передъ нами вопросъ: какъ же живетъ здѣсь человѣкъ-скотоводъ, чѣмъ питаются его животныя? И, дѣйствительно, человѣку совсѣмъ нельзя было бы жить въ полупустынѣ, если бы въ его распоряженіи не было еще другихъ участковъ степной природы.—Перейдемъ вмѣстѣ со стадами кочевника на солончаковыя побережья озеръ, на отлогіе террасы рѣчныхъ долинъ, на полынныя степи каменныхъ холмовъ Мугоджаръ. Здѣсь мы увидимъ вмѣсто желтыхъ картинъ ковыля еще свѣжіе, сохранившіе полную жизнь приземистыя кустики полыни; невзыскательный киргизскій скоть не побрезгуетъ ея прянымъ ароматомъ, тѣмъ болѣе что она обладаетъ чрезвычайно питательными свойствами; немалое подспорье хозяину скотоводу доставляютъ въ это время и песчаныя равнины: среди ихъ растительности, кромѣ ковыля-волосатика (*St. repnata*) въ весьма изрядномъ количествѣ присутствуютъ мотыльковыя (различные виды астрагаловъ и серповидная люцерна) и особый видъ полыни—*Art. campestris*, и, не смотря на

то, что ковыль и здѣсь сожженъ солнцемъ, запасы годныхъ кормовъ еще достаточно велики.

Если мы вспомнимъ также, что природа надѣлила Баксайскую волость большими долинами и логами, спускающимися съ Мугоджарскихъ холмовъ въ систему Иргиза, мы поймемъ, что у мѣстнаго населенія есть и еще ресурсы, которые послужатъ его скоту поддержкой въ то время, когда зимніе снѣга одѣнутъ саваномъ смерти всѣ степныя равнины— конечно въ томъ случаѣ, если человѣкъ окажется настоящимъ хозяиномъ своихъ стадъ, если онъ во-время сниметъ богатые урожаи долинныхъ луговъ.

Такимъ образомъ, хозяйство человѣка здѣсь связано непрерывною связью съ жизнью полупустыни: онъ не можетъ оставить въ пренебреженіи ни одного изъ названныхъ угодій, онъ не можетъ выкинуть изъ своихъ владѣній ни каменистыхъ сопокъ, ни богатыхъ луговъ, ни безконечныхъ равнинъ водораздѣловъ. Его владѣнія должны быть здѣсь разнообразны, хотя бы они и были разбросаны, потому что печать разнообразія и разбросанности лежитъ въ самомъ существѣ полупустынной природы. Отсюда ясно и то, что протяженіе земельныхъ владѣній степного хозяина-скотовода должно быть достаточно большимъ, охватывающимъ различные районы, и врядъ ли при исчисленіяхъ о необходимомъ количествѣ земельной площади на одно степное хозяйство можно исходить изъ голыхъ цифръ о запасахъ кормовъ на единицѣ площадей, сопоставляя съ числомъ скота. Земледѣльческое хозяйство, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго, въ настоящее время является лишь подспорьемъ хозяйству скотоводческому; оно является добавленіемъ къ нему, служа источникомъ жизни лишь въ случаѣ падежа скота; его развитіе здѣсь возможно лишь въ случаѣ притока въ степь крупныхъ государственныхъ средствъ и научныхъ агрономическихъ знаній.

Что такое полупустыня? Слово это только сравнительно съ очень недавняго времени стало часто употребляться въ обиходѣ русскаго литературнаго языка. Въ топографическомъ смыслѣ подъ полупустынею киргизскаго края, или, иначе, пустынною степью, нужно понимать территоріальную полосу, отграничивающую наши ковыльные степи отъ настоящихъ песчаныхъ и глинистыхъ пустынь: такимъ образомъ, говоря вообще, главные

районы распространения полупустыни находятся у насъ между 48° 52° сѣв. шир. Въ почвенно-ботанической географіи подъ этимъ словомъ понимаютъ область каштановыхъ и сѣрыхъ почвъ съ рѣдкимъ растительнымъ покровомъ изъ соціально растущихъ ксерофитныхъ злаковъ, куда постоянно съ сѣвера и съ юга проникаютъ то широкими, то узкими полосами почвенныя и растительныя образованія, свойственныя сосѣднимъ территориямъ настоящихъ степей и настоящихъ пустынь. Русскій разговорный языкъ совсѣмъ не знаетъ слова «полупустыня»; то, что мы выражаемъ этимъ словомъ, укладывается у него въ его понятіи о степи или «полѣ чистомъ», какъ такомъ мѣстѣ, гдѣ глазъ человѣка встрѣчаетъ широкіе горизонты и далекія перспективы, не стѣсненные лѣсными массивами и горными цѣпами. Однако это отсутствіе въ нашей обыденной рѣчи отдѣльнаго слова для понятія полупустыни можно объяснить скорѣе всего лишь тѣмъ, что русскому народу до сихъ поръ приходилось въ своей исторіи мало сталкиваться съ ея природою, болѣе же близкое соприкосновеніе съ ней живо заставляетъ чувствовать недостатки подходящаго названія для нея: мы съ молокомъ матери впитали такое представленіе о черноземной степи, какой описали ее Гоголь и Аксаковъ для Европейской Россіи; когда мы говоримъ о ней, намъ чудятся куртины мощной и буйной растительности, передъ нами волнуется цѣлое море густой травы и хочется сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: «Ничего въ природѣ не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны цвѣтовъ».

А вѣдь эта картина мало согласуется съ тѣмъ скромнымъ и грустнымъ пейзажемъ, который предстанетъ предъ нами, если мы перенесемъ въ нашу Тургайскую область даже въ самый разцвѣтъ ея, т. е. весной, — вмѣсто колышущихся волнъ зеленого моря передъ нашими глазами разбѣгаются тихія струи серебристаго низкорослаго ковыля, которыя то тутъ, то тамъ прерываются темными островами бесплодныхъ солонцовъ. Хотя правда, что и здѣсь, въ полупустынѣ, мы встрѣчаемся иногда съ пышной зеленью лугового ковра, въ которой взглядъ тонетъ словно въ зеленомъ морѣ, но это лишь въ рѣдкихъ уголкахъ, и, чтобы найти ихъ, мы должны спуститься въ заливныя долины рѣкъ, побережья озеръ и т. д.;

зато не рѣдкость встрѣтить здѣсь и полную противоположность этой картинѣ: мы поднимаемся на холмистое плато Мугоджарскихъ отроговъ, и вдругъ передъ нами развертывается безнадежная панорама каменистыхъ солонцовъ, раскаленная, покрытая галькой почва которыхъ воочию напоминаетъ намъ о близкомъ сосѣдствѣ знойныхъ приаральскихъ пустынь. Поэтому то было бы неудобно и неправильно говорить о нашей «мѣстности», какъ о «степи», ужъ лучше пользоваться, за недостаткомъ другихъ, болѣе подходящихъ словъ, выраженіями—«полупустыня» и «пустынная степь» для характеристики ея природныхъ условій. Выраженіе «пустынная степь» хорошо тѣмъ, что въ немъ содержатся указаніе на одновременное присутствіе въ нашей мѣстности признаковъ пустыни, указаніе на то, что здѣсь есть и волнующійся просторъ настоящей степи, есть и растительность, свойственная послѣдней, но что въ тоже самое время здѣсь есть и мѣста столь бесплодныхъ, столь унылыхъ, словно они случайно попали сюда, оторванные какими то судьбами отъ той огромной пустынной площади, которая тянется у береговъ Аральскаго моря.

Мнѣ кажется, что я лучше буду въ состояніи передать читателю свои впечатлѣнія, навѣянные общимъ обликомъ пустынной степи, если вмѣстѣ съ нимъ мысленно перенесусь на сѣверъ Ирғизскаго уѣзда. Тамъ, на отрогахъ Мугоджарскихъ горъ есть селеніе,—скорѣе татарское, чѣмъ русское, называемое—Фортъ Карабутакскій, въ немъ мы найдемъ гостепріимное убѣжище, а потомъ, отдохнувъ, начнемъ странствовать по его окрестностямъ. Однако самое селеніе это слишкомъ заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Я думаю, что врядъ ли существуетъ на всемъ земномъ шарѣ другой подобный уголокъ; во всякомъ случаѣ онъ—явленіе совершенно парадоксальное, какъ и вся природа въ нашемъ краѣ. Онъ значится на картѣ, какъ укрѣпленное мѣсто, фортъ, но вмѣсто грозныхъ укрѣпленій мы находимъ здѣсь миниатюрную, словно дѣтскую крѣпость, вмѣсто гарнизона—3-хъ солдатъ-сторожей безъ оружія. Мы могли бы ожидать, что единственное поселеніе выбрало себѣ самое лучшее мѣсто, но, словно на переکورъ судьбъ, оно постаралось удалиться на 20 верстъ отъ хорошей воды и плодородной почвы и нарочно взгромоздилось на каменистые обрывы. Какъ бы желая уеди-

ниться отъ остального міра, оно отдѣлилось отъ послѣдняго грудями камня, глубокими оврагами и руслами двухъ рѣчекъ. Въ немъ есть церковь, почта и телеграфъ, но нѣтъ ни одной винной лавки, ни одного кабака; жигели 30-40 домовъ этого поселка почти не сѣютъ и не жнутъ, но зато почти всѣ занимаются торговлей съ кочевниками киргизами. Въмѣсто пѣшеходовъ, на единственной улицѣ мы видимъ всадниковъ, вмѣсто экипажей — какіе-то допотопныя скрипучія сооруженія, называемыя арбой (это въ 200 в. отъ желѣзной дороги!). Съ 10 часовъ здѣсь все погружается въ сонъ; не услышимъ здѣсь ни криковъ, ни брани, рѣдко услышимъ пѣсню, большей частью заунывную пѣсню прѣзжаго киргиза, гортанные звуки которой разносятся въ ночной тишинѣ и скоро теряются и гаснутъ въ рѣчныхъ обрывахъ и скалахъ. Встаютъ здѣсь всѣ рано, съ восходомъ солнца, такъ же рано встаемъ и мы, и въ началѣ іюня покинемъ гостепріимный Карабутакскій фортъ, который его обитатели считаютъ лучшимъ изъ возможныхъ мѣстообиталищъ для скромнаго и мирнаго человѣка, и отправимся въ довольно нелегкій путь, поставивъ себѣ цѣлью добраться отсюда сначала до горы Игыз-караче-тау и до лежащаго у подножья этой горы озера Чалкаръ Караче-тау, а затѣмъ переѣхать находящуюся недалеко границу Кустанайскаго уѣзда и достигнуть озера Джиты-куль. Путь этотъ выбранъ нами не даромъ: онъ будетъ итти то по каменистымъ грядамъ отроговъ Мугоджарскихъ горъ, то будетъ спускаться въ долины рѣкъ, которыя, выходя изъ Мугоджаръ, даютъ потомъ въ совокупности рѣку Иргизъ и на картѣ считаются его притоками, и, слѣдуя за нимъ, мы, конечно, не оставимъ безъ вниманія тотъ разительный контрастъ, который существуетъ между почвенно-растительнымъ покровомъ широкихъ рѣчныхъ долинъ и водораздѣльными каменными кряжами Мугоджаръ. Около урочища Богуль мы переправимся съ праваго берега Иргиза на лѣвый и вмѣсто того, чтобы прямо направиться на сѣверо-востокъ къ синѣющей вдали вершинѣ Караче-тау, мы сдѣлаемъ крюкъ, спустившись оттуда сначала на востокъ, на однообразныя песчаныя равнины и, только осмотрѣвъ ихъ, повернемъ на сѣверъ.

Такимъ образомъ, мы осмотримъ пространство на разстояніи около 200 верстъ, а если бы мы не сворачивали въ сто-

рону на востокъ, то это разстояніе нужно было бы уменьшить до 150 верстъ. Оно, сравнительно, конечно, не велико, и пожалуй, врядъ ли въ какой либо другой области, если оставить въ сторонѣ горныя страны, мы были бы на его продолженіи свидѣтелями сильныхъ и рѣзкихъ переменъ въ окружающей природѣ, но здѣсь, въ пустынной степи, мы ихъ найдемъ, онѣ намъ бросятся въ глаза. Правда, что общій колоритъ полупустыни сохранится на всемъ нашемъ пути, такъ что куда бы мы ни ступили здѣсь—на каменистыя ли сопки Мугоджаръ, на пышные ли луга долины Иргиза, на покрытое ли соленосной коркой побережья Ащелы-бая, на ковыльную ли степь песчаныхъ и глинистыхъ равнинъ—вездѣ вокругъ насъ будетъ разлита какая то неуловимая грусть. Она будетъ чудиться намъ въ дрожащихъ струйкахъ раскаленнаго солнцемъ воздуха, будетъ сквозить во всѣхъ линіяхъ далекаго горизонта, которыя здѣсь такъ мягки, такъ неопредѣленны, но въ которыхъ есть что-то такое, что невольно влечетъ за ними нашъ взоръ, когда они, убѣгая въ безконечную ширь, пропадаютъ вдали; съ этой грустью будетъ смотрѣть на насъ тихая, неподвижная, затерявшаяся въ своей долинѣ рѣка, ею будетъ полна до самыхъ краевъ и эта долина, пологіе склоны которой, какъ будто задавшись цѣлью воздать какъ можно больше простора, медленно, медленно спускаются къ руслу рѣки; объ этой грусти будетъ шептать намъ и каждая вершина, окутанная синей мглой, и тихій шелестъ и звонъ вѣтра, пронесшагося по ковыльной степи...

Однако, на лонѣ этого мягкаго простора, этихъ спокойно разметавшихся линій горизонта мы встрѣчаемъ и много разнообразія, много рѣзкихъ границъ; покровъ мирнаго спокойствія, окутывающій здѣсь всѣ предметы, совсѣмъ не является саваномъ смерти, и мы не разъ увидимъ сквозь него, что лицо здѣшной природы можетъ горѣть и яркими красками жизни. Одной изъ оригинальнѣйшихъ особенностей здѣшной природы и является именно то обстоятельство, что въ ней какъ-то удивительно совмѣщаются въ одно и то же время и неопредѣленность мечтательнаго простора и рѣзкость очертаній отдѣльных картинъ пейзажа, однообразіе дальнихъ линій, всегда куда-то уходящихъ, сливающихся одна съ другой, на

ряду съ рѣзко выраженной индивидуальностью контуровъ близкихъ къ намъ предметовъ.

Представимъ себѣ теперь, что нашъ путь изъ Карабутака привелъ насъ къ рѣкѣ Баксаису, и мы собираемся сдѣлать привалъ для отдыха верстахъ въ 10 отъ того мѣста, гдѣ устье этой рѣки впадаетъ въ долину рѣки Иргиза. За время нашего путешествія мы уже успѣли нѣсколько освоиться съ окружающимъ насъ міромъ и можемъ теперь внимательно подмѣчать совершающіяся въ немъ явленія. Мы только что совершили довольно утомительный переходъ черезъ водораздѣлъ между р.р. Жаксы-Аще-сай и Баксаисомъ, и въ нашей памяти четко запечатлѣлась картина пройденной нами пустынной каменистой степи. Куда бы мы ни смотрѣли—всюду взоръ нашъ встрѣчалъ выдвинувшіяся на земную поверхность каменные породы. Чаще всего онѣ являлись передъ нами въ видѣ небольшихъ отдѣльно стоящихъ сопокъ, рѣже, по мѣрѣ приближенія къ долинѣ Иргиза, въ видѣ массивныхъ холмовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкими логами. Мы видѣли, что всѣ эти обнажившіяся на поверхности твердыни кварца и гранита породы, изъ которыхъ сложены здѣсь Мугоджары, подверглись распаду отъ вывѣтриванія. Здѣсь не встрѣтишь одинокаго затеряннаго камня—наоборотъ, цѣлые потоки щебнистой гальки отходятъ здѣсь отъ каждой сопки, отъ каждаго холма. Галькой усыпана тутъ почти вся поверхность, такъ что только самые глубокіе и широкіе лога, куда вода приноситъ лишь мелкоотмученный матеріаль, обладаютъ плодородной мелкоземистой почвой, небольшіе же ложки и мелкія западинки, которыхъ здѣсь, гдѣ рельефъ столь нарушенъ безпрестанными выходами горныхъ породъ, конечно очень не мало, содержатъ гальку въ значительномъ количествѣ, хотя и не въ такомъ, какъ выпуклины сопокъ и холмовъ, на которыхъ мелкоземъ почти отсутствуетъ.

День, въ продолженіи котораго мы бродили здѣсь среди сопокъ, выдался такой, какимъ онъ обыкновенно и бываетъ въ Иргизскомъ уѣздѣ въ началѣ іюня: солнце ослѣпительно сіяло на безоблачномъ небѣ, воздухъ былъ полонъ жгучаго зноя. Усыпанная галькой почва была раскалена, а глыбы молочно-бѣлаго кварца рѣзали глаза своимъ нестерпимымъ блескомъ, такъ что больно было смотрѣть. А кругомъ ни капли воды,

никакого намека на воду! Правда, эта нерадостная картина немного смягчалась попадавшимися то тамъ, то сямъ ложками и западниками: они давали пріютъ зеленымъ кустикамъ ковыля-волосатика, калеріи, мятлика, овсяницы, уже отцвѣтшему теперь маленькому степному тюльпану, длиннолистной песчанкѣ, ферулѣ, перекатиполою, австрійской полыни и др.; даже и растенія изъ семейства мотыльковыхъ заходили сюда—серповидная люцерна и вѣтвистый астрагалъ,— въ то время какъ на сопкахъ могла обитать почти лишь одна полынь (*Art. Lessingiana* и *Art. maritima*).

Не будь этихъ пониженій рельефа, видъ каменистой степи былъ бы безотраденъ до самой крайней степени, и потому съ невольнымъ радостнымъ чувствомъ мы привѣтствовали тотъ моментъ, когда мѣстность стала обнаруживать уклонъ въ долину рѣки. Но прежде, чѣмъ совсѣмъ покинуть негостепріимныя скалы и начать спускъ къ рѣкѣ, мы захотѣли еще разъ оглянуться кругомъ и сказать «прости» промелькнувшимъ передъ нами картинамъ. Мы выбрали для этого самую высокую изъ находящихся вблизи сопку, на которой виднѣлась киргизская могила—вѣрный признакъ того, что вершина занимаетъ господствующее положеніе надъ мѣстностью, и взобрались на нее, готовые, на прощаньи, примириться даже съ самымъ унылымъ пейзажемъ. Но вмѣсто того, чтобы смотрѣть назадъ, на пройденный каменистый путь, мы съ удивленіемъ вглядывались впередъ, въ открывшуюся передъ нами далекую панораму, поразившую насъ своей неожиданностью: словно желая вознаградить насъ за томительное однообразіе своихъ сопку, каменистая степь теперь открыла намъ воздушныя перспективы, манящія взоръ своей голубой далью. Прямо передъ нашими глазами лежала долина рѣки Баксаиса, а правѣе, верстахъ въ восьми отсюда, насколько хватало у насъ силы зрѣнія, мы все видѣли, какъ выступали намъ навстрѣчу склоны самого Иргиза, который тамъ принималъ въ себя устье Баксаиса. Ширину долины послѣдней рѣки мы не могли оцѣнить меньше, чѣмъ въ 5—6 верстъ, а для долины р. Иргиза нужно было считать даже не меньше 10—12 верстъ. Впечатленіе о мощности Иргизской долины создавалось, кромѣ ея ширины, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Иргизъ имѣетъ въ этой мѣстности почти совершенно прямое направленіе съ сѣверо-востока

на юго-западъ, такъ что взоръ нашъ могъ слѣдить за его долиной почти безъ конца, до тѣхъ поръ, пока линии горизонта не сливались вдали одна съ другой, одѣвшись синей дымкой.

Тщетно стали-бы мы искать на всемъ этомъ просторѣ хоть одно деревцо—мы не найдемъ его здѣсь на 100 верстъ кругомъ. Неподвижно распластавши въ воздухѣ свои крылья, парятъ надъ долинами степные орлы, зорко высматривая гдѣ-нибудь зазѣвавшагося суслика. Вдоль русла рѣкъ то тутъ, то тамъ чернѣли киргизскія землянки-зимовки. Самихъ киргизъ не было видно, они вмѣстѣ со своими стадами ушли отсюда на другія кочевья, чтобы скотъ не испортилъ заливныхъ луговъ вдоль рѣки и хлѣбныхъ посѣвовъ, расположенныхъ по склонамъ. Среди безлюдной тишины обращали на себя какое то особенное вниманіе многочисленные могильные курганы, которые словно сторожили долину со своихъ вершинъ, и своимъ серьезнымъ и важнымъ видомъ еще болѣе усиливали впечатлѣніе царящаго здѣсь спокойствія. Почти напротивъ насъ, на противоположномъ склонѣ, на одной изъ господствующихъ вершинъ виднѣется самый большой изъ кургановъ Аулье-Баксаисъ; какъ и всѣ курганы, онъ сложенъ изъ обломковъ камня. Немного лѣвѣе и ниже виднѣется въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ по Баксаису могила Бик-мурза, надъ которой, кромѣ кургана, воздвигнутъ еще большой минаретъ изъ кирпича-сырца.

Оріентировавшись въ расположеніи мѣстности, заглянувъ съ высоты сопки впередъ, на мѣсто своихъ будущихъ странствованій, мы начинаемъ спускаться въ долину и сейчасъ же замѣчаемъ, что природа во всемъ открываетъ намъ новыя картины, непохожія на тѣ, какія мы только что видѣли въ каменистой степи. По всемъ болѣе или менѣе глубокимъ ложкамъ, которые выбѣгаютъ изъ предѣловъ каменистой степи на склоны долины и несутъ, въ особенности въ своихъ верховьяхъ, еще достаточно богатую галькой почву, нашли себѣ пріютъ степные кустарники. Тутъ есть и кустарниковая акація, вѣтки которой густо покрыты желтыми цвѣтами, есть и низенькій шиповникъ, цвѣты котораго съ гораздо болѣе яркой окраской, чѣмъ у насъ, но больше всего уже отцвѣтшей къ этому времени таволги. Среди нихъ виднѣются бѣлыя цвѣточки птицемлечника, розовые-зопника, рѣже попадаются фіолетовые цвѣты коровяка и шалфея. Послѣ монотоннаго вида растеній ка-

менистой степи каждый, даже самым скромным образом окрашенный, лепестокъ ласкаетъ наше зрѣніе. Самые-же склоны состоятъ почти сплошь изъ песчаныхъ отложеній, покрытыхъ травянистою растительностью. Ни одной рытвины, ни одного крутого спуска, даже ни одной безпокойно неожиданной линіи на этихъ склонахъ нѣтъ. Медленно, медленно убываетъ ихъ высота, словно считая непозволительнымъ въ серьезной обстановкѣ долины обнаруживать склонность къ рѣзкому паденію, медленно выются по нимъ широкія колена нашей дороги, пролегающей здѣсь съ той глубокой старины, когда здѣсь было сосредоточено теперь уже заглухшее караванное движеніе изъ Оренбурга въ Туркестанъ и обратно. Растительный міръ, обитающій въ настоящее время на этихъ склонахъ, видимо, испыталъ на себѣ сильное вліяніе человѣка. Характеръ строенія почвеннаго субстрата указываетъ, что вся площадь ихъ почти сплошь побывала подъ пашней, такъ что нужно признать, что теперешняя разнотравная степь, покрывающая ихъ, является уже вторичной растительной фармаціей, смѣнившей ту ковыльную степь, которая, если судить по фактамъ, заимствованномъ изъ долины и другихъ мѣстъ сѣверной части Иргизскаго уѣзда, была первичнымъ растительнымъ покровомъ для всѣхъ песчаныхъ почвъ нашего района. Долина Баксаиса должна была съ давнихъ поръ привлекать къ себѣ вниманіе мѣстнаго населенія. Въ ней есть и хорошая прѣсная вода и годная почва для незамысловатой пашни, есть и покосныя угодыя, т. е. все необходимое для веденія первобытнаго хозяйства. За это киргизы и называли ее ласковымъ словомъ «Баксаисъ» (по киргизски «бакъ» значитъ-садъ), выбрали на вершинахъ около нея мѣста для могилъ самыхъ почетныхъ людей и даже назвали въ честь ея всю свою волость Баксайской. Съ теченіемъ времени всѣ удобныя мѣста въ ней были воздѣланы подъ пашню. Въ нынѣшнемъ году здѣсь кое-гдѣ виднѣются посѣвы проса, — молодыя залежи поросли кураемъ (*Salsola Kali*), *Chenopodium album*, *Artemisia maritima*, *Gypsophila paniculata*. Злаковъ на нихъ почти нѣтъ. Зато на старыхъ залежахъ злакамъ принадлежитъ главная роль: ковыль волосатикъ, сибирскій желтнякъ чувствуютъ себя здѣсь видимо хорошо и образуютъ довольно пышные кусты, приблизительно въ аршинъ вышиной; къ нимъ довольно часто присоединяет-

ся овечья овсяница, рѣже гребенчатый пырей, а изъ растеній другихъ семействъ въ порядочномъ количествѣ попадаются *Sinaria vulgaris*, *Silene Otites*, *Gypsophila paniculata*, *Erysimum sessiliflorum*, *Medicago falcata*, *Astragalus* sp., *Verbascum phoeniceum* и т. д. Свѣжій видъ всей этой растительности говоритъ за то, что она пока не терпитъ недостатка въ водѣ; тѣ же самые горячіе солнечные лучи, которые на скалахъ въ каменной стени уже успѣли, не смотря на раннее время года, иссушить почву, здѣсь, на песчаныхъ отложеніяхъ, потеряли свою грозную силу, здѣсь они больше не кажутся намъ бичами жизни, наоборотъ, мы съ удовольствіемъ видимъ, какъ подъ ними купается въ морѣ свѣта нѣжная зелень степныхъ злаковъ, чувствуемъ, какъ благоухаютъ нѣжнымъ запахомъ цвѣты коровяка и льнянки.

Почти незамѣтно для насъ окончился скатъ въ долину и наша дорога пошла по прибрежной террасѣ рѣки. Площадь этой террасы здѣсь не широка, и въ этомъ отношеніи долина Баксаиса много уступаетъ долинѣ Иргица, съ коей мы вскорѣ познакомимся, такъ что здѣсь мы только тогда увидѣли, что подножье склона перешло въ почти горизонтальную поверхность, когда за нѣсколько десятковъ сажень отъ насъ уже блестяла рѣчная вода, окаймленная темною зеленью тростника. Однако растительность, которую несетъ на себѣ эта узкая прибрежная полоса, настолько оригинальна сама по себѣ, настолько непохожа на только что видѣнную нами въ песчаной стени, что какъ-бы ни манила насъ близость воды, какъ бы незамѣтно, словно крадучись, ни остались позади насъ пологіе склоны, пройти здѣсь равнодушно, добратся до русла рѣки, оставаясь лишь подъ впечатлѣніемъ картинъ степной природы склоновъ, невозможно. Кажется, что если-бы мы, оставивъ склоны, пришли сюда съ завязанными глазами и только здѣсь снова получили возможность видѣть, то мы могли-бы подумать, что попали въ какой то другой міръ, что склоны не лежатъ, какъ на самомъ дѣлѣ, почти рядомъ съ нами, а отдѣлены отъ насъ какой-то рѣзкой преградой—такъ не похожи тонкія былинки злаковъ, которыя вѣтеръ, пробѣгая по склонамъ, только что колебалъ у насъ передъ глазами, на эти страннаго вида сѣрые крошечные кустарники, приземистыя фигурки которыхъ съ какой то солидной важностью свободно

размѣстились по поверхности террасы: вотъ передъ нами кустики *Eurotia ceratoides*, въ которой мы по цвѣтамъ и листьямъ сразу угадываемъ близкаго родственника лебеды, вотъ кустики похжей на нее по сложенію, но съ чешуйчатыми листьями *Kochia prostrata*, далѣе виднѣются угрюмые и невзрачные кустики *Samolus monspeliacus*, листья которой еще немного и совсѣмъ стали бы похожи на колючую щетину; съ ней рядомъ расположился колючій рогаць *Ceratocarpus arenarius*, а вотъ и самъ коклець, *Atriplex canum*, про который хорошо помнить всякій, кто побывалъ въ пустыняхъ Туркестана,—онъ весь какого-то блѣдно сѣраго цвѣта и какъ то неловко, не хотя, приподымается съ земли, словно боится съ ней разстаться... Всѣ эти кустарнички—близкіе родственники между собой, они всѣ изъ одного ботаническаго семейства. А вотъ похожая на нихъ лишь по общему *habitus*'у *Artemisia maritima*—она вся пропитана прянымъ ароматомъ; ея запахъ не такой, какъ у нашей обыкновенной полыни, а гораздо пріятнѣе; часто ея здѣсь такъ много, что воздухъ бываетъ напоенъ ея сладкимъ благоуханіемъ.

Однимъ словомъ, здѣсь настоящее царство миниатюрныхъ кустарниковъ. Что мы не напрасно называемъ эти малорослыя растеньица—они величиной обычно не больше $\frac{1}{4}$ аршина—кустарниками, это мы ясно увидимъ, когда, нагнувшись поближе, мы потревожимъ одно изъ нихъ, приподнявъ немного отъ земли плотно прижавшееся къ ней вѣтвистое тѣло послѣдняго: около самой поверхности земли вѣтви растенія сильно утолщаются и деревенѣютъ, а потомъ уже переходятъ въ очень толстый и длинный корень, идущій глубоко въ землю. Кромѣ названныхъ кустарниковъ мы встрѣчаемъ еще здѣсь кое гдѣ луковичныя растенія (виды *Allium* и *Tulipa*), потомъ кермекъ, красивые синіе цвѣты котораго собраны на верхушкѣ стебля въ видѣ зонтика, затѣмъ нѣтъ, нѣтъ да попадается на глаза скромная сѣренькая астра съ желтыми цвѣтами. Когда мы задаемъ себѣ вопросъ, почему здѣсь, на ровномъ пространствѣ террасы, въ сравнительной близости отъ русла рѣчки, слѣдовательно въ районѣ дѣйствія поименныхъ весеннихъ водъ, растенія расположились такъ уединенно, почему они имѣютъ такой спеціальныи характеръ, какъ будто они проникли сюда, подвергнувшись предварительно суровому контролю со

стороны какого-то всемогущаго здѣсь природнаго агента, то отвѣтъ на это мы находимъ въ томъ, что почва нашей террасы содержитъ въ себѣ избытокъ вредныхъ для растенія солей. Хотя прямо выцвѣтовъ кристалловъ соли на поверхности здѣсь мы и не видимъ, однако строеніе почвы указываетъ на ея солонцеватость; поэтому-то большинство здѣшнихъ растеній и носить на себѣ специфическій оттѣнокъ флоры солонцовъ, такъ что среди нихъ не рѣдкость встрѣтить такихъ представителей, которые находятъ себѣ хорошій пріютъ и на такихъ несомнѣнныхъ ультра-солонцахъ, гдѣ кристаллы соли выцвѣтаютъ на поверхности въ видѣ сплошной корки (съ такими солонцами мы познакомимся въ долину Иргиза) — напр. кокпекъ и т. д. Засоленность пойменныхъ террасъ — обычное и неизбежное явленіе въ нашемъ краѣ; мы находимъ здѣсь всѣ градаціи этой засоленности и вліянія послѣдней на составъ и характеръ растительности. Ближе къ руслу рѣки засоленность террасы теряетъ свое губельное дѣйствіе на растенія, вѣроятно благодаря тому, что лучшая увлажненность почвы смягчаетъ контррепрегацию почвеннаго раствора, притекающаго къ корнямъ растеній.

Путь нашъ не долго идетъ по этой террасѣ, среди ея сѣраго растительнаго покрова, — онъ словно торопится по возможности скорѣе добраться до воды и, поэтому, протянувшись по ней безо всякихъ изгибовъ и заворотовъ, онъ прямо, какъ вытянутая лента, приводитъ насъ къ руслу рѣки. Берега ея довольно высоки и круты, а темная спокойная гладь ея омутовъ, видимо, таитъ въ себѣ глубокіе подводныя ямы. Мѣстами она мелѣетъ, такъ что омота ея или «плеса» отдѣлены другъ отъ друга мелкими бродами, служащими удобными пунктами для переправы на другой берегъ. Между береговыми обрывами и ложемъ рѣки находится узенькая терраска, болѣе молодая по своему возрасту, чѣмъ та, которую мы только что миновали, спустившись со склоновъ долины; ширина ея обычно — 2-5 сажень. Однако, не смотря на такую незначительную ширину, она способна надолго приковать къ себѣ наше вниманіе. Зеленой изумрудной каймой вьется она здѣсь около воды и ласкаетъ нашъ взоръ буйной роскошью своей луговой растительности; кажется, что здѣшняя природа хочетъ удивить насъ и доказать, на какія творческія чудеса способна она тамъ,